

Большой народный писатель.

К юбилею Серафимовича.

У Гаршина есть рассказ о двух художниках. Один—пейзажист, добрый и невинный, как сам пейзаж. Он «пишет, что видит: увидит реку—и пишет реку, увидит болото с осокой—и пишет болото с осокой. Зачем ему эта река и это болото—он никогда не задумывается». Скорее всего это для него только повод наложить на холст веселенькие и легкие краски, нарисовать красивый вид. Вот вся его поэзия: «Майское утро. Чуть колыхнется вода в пруде... ивы... восток разгорается... мелкие облачка окрасились в розовый цвет. Женская фигурка идет...» Это искусство «настраивает человека на тихую кроткую задумчивость, смягчает душу».

Другой написал «Глухаря». Глухари—это рабочие, которые часто гложут от своей тяжелой и страшной, адской работы: человек садится в котел и держит заклепку изнутри клещами, что есть силы напирая на них грудью, а снаружи мастер колотит по заклепке молотом. Рабочий выносит год-два, а потом ни на что не годен. «Извольте-ка целый день выносить грудью удары здорового молота по груди, да еще в котле, в духоте, согнувшись в три погибели». Первый художник не понимает, как это можно выбрать такой сюжет. «Что за поэзия в грязи? Где здесь красота, гармония, изящное?» Но сам автор знает, что его картина действует. Смотришь и не можешь оторваться, **чувствуешь за эту измученную фигуру, «Ударь их в сердце, лиши их сна, убей их спокойствие».**

Вот два разных искусства. Одно украшает стены богатых гостиных, создает уют и смягчает душу невинными сюжетами. А другое звучит как удары молота, лишает сна, заставляет чувствовать за глухаря. Этот спор не кончен и теперь еще. Большинство художников второго рода, те, что писали глухарей, а не розы, очень часто уходили от искусства в жизнь, в работу—слишком близко такое искусство к жизни. Так и герой этого рассказа уходит в учительскую семинарию—быть народным учителем кажется ему достойнее, чем быть художником.

Но все-таки не все уходили в учительские семинарии, не все отказывались от искусства. Некоторые продолжали писать и на холсте и в книгах глухарей и пугать и бить, как молотом. Таких было немного.

Такой художник-писатель—**А. С. Серафимович**. В этом году исполняется **60 лет** со дня его рождения и **35 лет** его **литературно-общественной деятельности**. Группа пролетарских поэтов «Кузница» недавно письмом в газету обратилась ко всем литературным и общественным ор-

ганизациям с призывом откликнуться на этот прекрасный юбилей.

Имя Серафимовича, писали поэты, должно прозвучать, как имя **большого народного писателя**, как героя труда. И в самом деле, Серафимович заслужил это имя. Плоть от плоти и кровь от крови трудового народа, он и в жизни, и в писании все время был органически связан, слился с его думами, его печалью и радостями.

Настоящее его имя—**Попов**. Родился он в 1863 году в Донщине. Ребенком еще узнал он—сын казака—и ширь русской степи, и ужас русской жизни. Ужасы военщины—впечатления его «золотого детства». Отец его был на смерть запорот розгами. В юности принимает он участие в создании революционных кружков и с самых первых шагов организованного рабочего движения идет нога в ногу с ним. За воззвание о покушении на царя Александра III ссылают его на берег Ледовитого океана. Здесь сходитесь он с отцом русской стачки, Моисеенко, который помогает окончательно сформироваться пролетарскому и революционному миропониманию Серафимовича. По окончании ссылки попадает он снова на Дон—под надзор полиции. Здесь знакомится он близко с бытом и жизнью шахтеров, рисует ее в своих рассказах и определяется как художник рабочего быта. Его всегдашняя и неизменная, единственная его тема, которой он верен, как рыцарь—это труд, его обстановка, его напряжение, его борьба с капиталом, его поражения и победы. 1905 год вызвал в его творчестве ряд рассказов, зарисовывающих яркие, праздничные и будничные, серые минуты революции («Живая тюрьма», «На Пресне» и др.). Во время войны и в революцию, с самого ее начала, Серафимович ни одной нотой не дал повода усумниться, с кем он и на чьей стороне.

Пишет он и сейчас, шестидесятилетним стариком, и еще в этом году вышел один из самых свежих, лучших и широких его романов, рисующий зарождающееся капиталистическое города в степи опять со стороны интересующих его глухарей-рабочих.

Серафимович пользуется большой и широкой известностью в народных массах, у простого читателя. В тысячах дешевых изданий, в копейной книжке растекался он по России, и простой читатель давно признал его, как сейчас молодые пролетарские поэты, родным писателем. Но в большой литературе, в верхах Серафимовича замалчивали и издатели, и «говорищи-писатели». Во первых, по личному складу жизни стоял он особенным и в декадентской литературе, и в

той, что пришла ей на смену. Это был чужой и чуждый ей человек. Да и по темам, по писательской манере это был суровый и последовательный художник глухарей, а эта тяжелая поэзия без изящества, красоты и гармонии была не по вкусу и не в моде. Этот разлад, расхождение с «маститыми писателями» окружили Серафимовича стеной молчания и непризнания; печатало его горьковское «Знание». В самом начале революции исключили его из среды писателей и из одного книгоиздательства—«за измену», за то, что он пошел работать к большевикам.

Серафимович—последовательный и трезвый реалист. Он пишет так, как видит, а видит так, как есть. Поэтому его страницы всегда правдивы. Той слабости, которая подмочила изрядно даже горьковскую «Мать» и которая обычно сказывается при изображении ужасов рабочего быта,—чужда ему. «Эпопейной монументальностью» называет письмо «Кузницы» его спокойную, медленную, внушительную и крепкую манеру класть краски. В большом романе, как в газетном рассказе, он одинаково верен и своей теме, и своей манере. Он верит вместе с Некрасовым, что стыдно писать о другом, что

Еще стыдней в годину горя
Красу полей, долин и моря
И ласку милой воспевать.

Но это спокойствие с гневом и с солью. Юмор Серафимовича—хохлацкий, насмешливый и недобрый. Вот он рассказывает о сходе, на котором помещица убеждает крестьян, что сад принадлежит ей, а после революции ей яблока не оставили покушать. И старики, смеясь в борю, напомнили старенькой, как дед ее потрудились над садом—сам порол крепостных плетью, когда те сажали яблоки.

Или вот недавно в «Правде» напечатан его прекрасный революционный портрет—в полстраницы весь—нового, советского судьи, который в бумагах и слабоват, но судит правильно своим крепким и здоровым умом, и хоть с трудом выводит заскорузлой рукой приговор, но решает по правде.

Таков путь этого большого народного писателя. Ныне он заслужил не двухкопеечной книжки для своих сочинений, а издания полного собрания его творений. Об этом и пишет «Кузница». Нет ничего проще, доступнее и понятнее его простого и немудреного языка—это проложит дорогу его книгам в народную толщу, в рабочую массу, в гущу того нового читателя, который теперь только подбирается и присматривается к книге, как бы это ее хватнуть.